

Лина Корсак. Репортаж о спасении

В редакцию «Московского комсомольца» пришло письмо от девушки по имени Анна.

Она так и назвала его: «Крик о помощи». Девушка умоляла помочь эвакуировать в безопасное место из города Рубежное ее маму.

В том самом подвале. Фото Лины Корсак

«Помогите, пожалуйста. Моя мама, Полежаева Татьяна, проживает по адресу г. Рубежное ул. Менделеева 27, второй подъезд. Сейчас находится в подвале этого дома. У неё на руках почти не ходячая соседка. Еды и воды совсем нет. Понизился сахар, плохо стала ходить. Люди умирают от обезвоживания, от холода. Если у вас есть мама, вы меня поймёте. Слезы матери, разрывают сердце и душу! Я вас умоляю, помогите, пожалуйста! Может быть, у вас получится передать её координаты военным, что бы эвакуировали её до российской границы. Мама русская родилась в Новокузнецке. Буду очень благодарна. Помогите, пожалуйста, чем можете. С уважением, надеждой, и слезами на глазах. Анна».

...Путь от Луганска до многострадального Рубежного не близкий: на хорошей машине – часа три. С середины маршрута дорога в обычном ее понимании просто перестает существовать. Разбитая

военной техникой и многочисленными обстрелами, она больше напоминает трассу какого-то ралли: ты то проваливаешься в яму, то выныриваешь из нее.

О судьбе жителей Рубежного, отбитого несколько недель назад у ВСУ, я уже писала. С тех пор ситуация кардинально не изменилась.

Как говорят сами горожане, «бывают дни, когда стреляют сильно, а бывает – когда очень сильно». Несмотря на то что позиции вооруженных формирований Украины уже давно вытеснены на окраину города, они продолжают свою подлую войну против безоружных и беспомощных женщин и стариков.

Под несмолкающие залпы подъезжаем к нужному дому. Типичная пятиэтажка времен советской застройки, как и все без исключения дома в округе, выглядит сиротливо-безжизненно: выбитые стекла, пробоины – следы обстрелов... Едва мы выгрузились из военного «уазика», как металлическая, с облупившейся местами краской, дверь второго подъезда опасно приоткрылась.

- Вы знаете Татьяну Полежаеву? – обращаюсь я к женщине
- Да, это соседка наша – Таня с третьего этажа.
- Мы за ней приехали, позовите ее, пожалуйста.

Женщина суетливо распахивает дверь, и мы спускаемся в подвал. Темное, пропахшее сыростью, совершенно непригодное для жизни подземелье. Вот уже почти месяц как оно стало пристанищем для этих людей. Какой-то мужчина, пытаюсь помочь, включает фонарь. Еле пробивающийся луч освещает комнатушку, большую часть которой занимают самодельные спальные места. Из-за маленького пространства и груды покрывал и тряпок создается впечатление, что это одна огромная кровать. В углу на полу – тарелки, чашки и прочая домашняя утварь.

- Таня, Таня! – кричит женщина в темноту комнаты. – Таня, за тобой приехали! Господи, какое счастье! Это Анечка твоя, наверно, попросила...

Из темноты появляется пожилая женщина в старенькой коричневой

дубленке и вязаной светлой шапке.

– Собирайтесь, мы за вами приехали, – обращаюсь к ней, сразу поняв, что она и есть та самая Татьяна Полежаева.

– Ой, да вы так неожиданно... – сбиваясь от эмоций, начинает причитать пенсионерка. – Мне ж собраться надо. Может, завтра... Ой, Господи, что я несу, какое завтра...

Женщина начинает нервно перекидывать какие-то вещи с места на место.

– У меня соседка одинокая, больная, – Татьяна Астафьева, я за ней приглядываю. Как я ее брошу?! – словно вернувшись в реальность, сообщает Татьяна.

Успокаиваю, что заберем и соседку.

– Вы только собирайтесь: чем быстрее уедем, тем лучше.

Залпы выстрелов, как подтверждение моих слов, заставляют собравшихся пригнуться.

Пока пенсионерки собирают вещи, соседи рассказывают, что довелось им пережить за эти дни. Обстрелы по мирному сектору начались еще до прихода в город сил Народной милиции. Украинские танки окапывались в черте города и били по домам.

– Отож у нас собачка маленька, Буся, осталась... – перемешивая русские слова с украинскими, указывает на трясущуюся от страха собачонку породы той-терьер одна из жительниц подъезда.

Женщина рассказала, что хозяйка собаки, 37-летняя Ирина, погибла в результате обстрела ВСУ 8 марта.

– Она на кухне была, когда снаряд прямо возле нашего дома упал. Осколком легкое ей пробил. До чего ж девочка хорошая была, горе какое! – продолжает пенсионерка. – Она ж эту собачку сыну купила недавно совсем. Ирочка на глазах у него прямо умерла. Он так кричал: «Мамочка, не умирай!..» Потом сестра ее приехала и мальчика забрала. А Буся от страха убежала куда-то, а потом появилась. Вот теперь с нами и живет...

Женщина рассказала еще много такого, от чего заходится сердце и что не укладывается в сознание. И как украинские нацбаты «по

приколу» обстреливали мирных жителей автоматными очередями, и как трупы не давали с улиц убирать, стреляя, как только кто-то пытался к ним приблизиться...

Украинские власти покинули город в первые же часы, бросив людей на произвол судьбы. На посту остались только врачи городской больницы, но и к ним попасть почти нереально, если даже рискнешь самостоятельно добраться. «Скорая помощь по Рубежному больше не ездит. Нет ни полиции, ни МЧС, ни труповозок», – сетуют люди.

– У нас три дня назад снарядом деток убило. Мальчику 10 было, а девочке 8, – продолжает рассказ женщина. – Вот ведь судьба! Они с мамой сюда как беженцы приехали, из Красного Луча. Здесь и погибли. Прямо во дворе пришлось хоронить. Как закопали – больше мать их никто и не видел. Чи жива, чи не – Бог один знает, – качает головой собеседница.

В подъезде слышится оживление – наши эвакуируемые наконец-то собрались и готовы ехать. Подхватываю из рук пожилой женщины серый пластиковый, с треснувшей крышкой, чемодан и спешу к машине. Военные помогают загрузить остальной скарб.

– Ну, с Богом, с Богом, – крестит уезжающих соседка. – Таня, связь наладится, я позвоню. За квартиру не переживай, я пригляжу...

Количество посадочных мест не совпадает с количеством пассажиров, поэтому обратный путь мне пришлось проделать в багажнике «УАЗа», на тех самых чемоданах, которые мы так бодро туда закидывали. Но если примоститься поудобнее, то, в общем, не так и ужасно, как могло бы показаться на первый взгляд.

Выдохнули, только въехав в Варваровку. Это следующий населенный пункт после Рубежного в сторону Луганска. Снаряды сюда уже не прилетают, и мирные жители спокойно выходят на улицу.

Лагерь для беженцев в Старобельске – конечная точка нашего путешествия. Здесь всем эвакуированным оказывается необходимая помощь и уже потом решается вопрос дальнейшего размещения. По дороге обе женщины связались с родными из России, и те пообещали приехать в спешном порядке, чтобы забрать их.

– Спасибо вам большое, что забрали нас из этого пекла! – еле сдерживая слезы, обращается ко мне Татьяна. – Благодаря вам мы глотнули воздуха и надеемся, что в это пекло больше никогда не вернемся...

Медики повели пенсионерок к машине скорой помощи, а мы перед отъездом решили пройтись по лагерю. Уже возвращаясь к машине, вдруг увидели какую-то нехорошую суету медицинских работников неподалеку от той самой кареты скорой помощи, куда ранее забрали наших пассажиров. По обеспокоенным лицам медиков становилось понятно, что что-то произошло...

Пожилая соседка Полежаевой Татьяна Астафьева, только что вывезенная нами из-под обстрела пенсионерка, лежала на земле перед склонившимися над ней врачами. По ее бездыханному телу и угрюмым лицам медиков было понятно, что исправить уже ничего нельзя. Сердце бабушки не выдержало...

Беда. Как же странно устроен этот мир. Человек смог выжить в настоящем аду, под несмолкающими взрывами, в холоде,

непреходящем страхе, без еды и воды. Выжить... и умереть, когда весь этот ад остался позади. И только серый пластиковый чемодан с треснувшей крышкой так и остался одиноко стоять у брезентовой палатки...

The logo consists of the letters 'MKRU' in a stylized, bold, serif font. The 'MK' is blue and the 'RU' is red. The letters are slightly slanted and have a subtle shadow effect.

Лина Корсак. Луганск – Рубежное, ЛНР